

Список использованной литературы

1. Шкала самоуправления цифровой повседневностью, СУЦП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psytests.org/life/dumeolp.html>. – Дата доступа: 17.09.2025.
2. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С.В., Илюхина, С.Н. Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://msupsyj.ru/articles/article/10221/>. – Дата доступа: 15.05.2026.

Summary. The article is devoted to the study of self-management of digital daily life of students of technical university. As a result of the conducted research, the average values were revealed on the subscales of management of digital devices (30,69 points), experience and optimization of digital daily life (24,92 points), digital sociality (13,14 points). These results indicate the average level of awareness and control of students over digital daily life and the average level of formation of digital competence.

УДК 321.01

Опарин А.Ю., старший преподаватель

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», г. Минск, Республика Беларусь

ДОСТУПНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Социальное государство в целом является изобретением XX в. Оно решало задачи по стабилизации капиталистического общества и преодолению социально-классовых конфликтов. Система образования стала важным инструментом социального государства, который был направлен на рост доходов населения и преодоление социально-классовых границ.

Abstract. The welfare state, in general, is a 20th-century invention. It addressed the challenges of stabilizing capitalist society and overcoming social and class conflicts. The education system became an important tool of the welfare state, aimed at increasing incomes and transcending social and class boundaries.

Ключевые слова: социальное государство, система образования, высшее образование, общество потребления, социально-классовый конфликт, социальное равенство.

Keywords: welfare state, education system, higher education, consumer society, social class conflict, social equality.

К 1960-м гг. практически все развитые капиталистические страны сделали выбор в пользу социального государства, ставшего результатом последовательного сочетания «структурных реформ 30-х годов», повысивших степень государственного вмешательства социально-экономическую сферу, и основанной на прогрессивном налогообложении и редистрибутивной модели «налоговой политики послевоенного периода» [1, с. 256]. По сути, социальное государство стало результатом вынужденного послевоенного

компромисса между трудом и капиталом, гарантировавшим большинству социальных групп экономическую стабильность, а элитам – общественно-политическую, государственная же власть выступила медиатором и гарантом этого компромисса. Впрочем, на её уровне это ещё было и продолжением мобилизационной политики военного периода, проходившей постепенную адаптацию к условиям мирного времени, когда обществу были предложены сильные программы перераспределения с заметным увеличением государственного потенциала и продлением предоставления социальных пособий и льгот. В итоге, первоначально сводившееся в реформах германского канцлера О. фон Бисмарка и британского премьера Д. Ллойд Джорджа к системам социального страхования и соцобеспечения, впоследствии социальное государство стало претендовать на то, чтобы стать «государством благоденствия» для всех, где социальная политика больше не была сосредоточена исключительно на нуждающихся группах, но касалась большинства населения.

Республика Беларусь взяла курс на построение социального государства, когда страна находилась на руинах социалистической экономики, – с присущими прежней советской государственности специфическими практиками и институтами государственной заботы о гражданах. Но в условиях рецессии 1990-х принятая в СССР система всеобъемлющего социального обеспечения, предполагавшая исключительное государственное финансирование, стала неэффективной и экономически неустойчивой [2, с. 10]. Поэтому, с одной стороны, мы позаимствовали из конституции ФРГ интегральную формулу социального правового государства [3, с. 40], с другой – принятое решение первоначально носило декларативный характер, и его принятие было скорее ориентировано на ожидания граждан, чем на возможности экономики. Впрочем, подобные решения, носившие популистский характер, на фоне схожих процессов принимались и в других постсоветских странах.

Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко говорил позднее, выступая на VI Всебелорусском народном собрании в 2021 г, что «принцип равноправного и равномерного распределения благ... всецело подкреплялся запросом общества»; «данная логика заложена в основу таких важнейших институтов, как солидарная пенсионная система, бесплатные для всех здравоохранение и образование...», – раскрыл тогда же он основные принципы белорусской социальной политики. Но в итоге согласимся с Главой белорусского государства, что теперь социальное государство – это уже «наш неизменный национальный бренд» [4].

Немецкий мыслитель Л. фон Штейн, которого считают автором идеи социального государства, живя в эпоху окончательного закрепления антагонистических капиталистических отношений и роста социально-классовых противоречий, писал, что функциональная несостоятельность государства в «гармоническом разрешении» этих противоречий может

привести к дезорганизации общества и закончиться гражданской войной, которая уничтожит это государство [5, с. 525]. Считая классовые противоречия в принципе непреодолимыми в рамках современного ему общества, он развивал идею социального государства как способного смягчить их негативные эффекты; для этого немецкий философ предложил использовать политические ресурсы самого государства для нивелирования их возможных катастрофических последствий. Для этого государство должно было взять на себя обязанность «поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти» и «способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого», – писал Л. фон Штейн; и именно в этом он видел «смысл социального государства» [6, с. XXVIII]. Он считал «закупку» каналов социальной мобильности (социальных лифтов) главной причиной социальных конфликтов, а путём решения – поддерживаемую государством социальную мобильность с открытым доступом труда к власти и капиталу. «В той степени, в которой возможна мобильность – и прежде всего между борющимися сторонами, интенсивность конфликтов уменьшается..., – напишет по этому поводу позднее Р. Дарендорф. – Вертикальная и горизонтальная мобильность, переход в другой слой... всегда способствуют снижению интенсивности конфликта» [7, с. 144].

Система образования – это один из важнейших каналов социальной мобильности и один из важнейших стратификационных и статусобразующих факторов, роль которого в жизни общества только растёт. «Образование в современном обществе является одним из важнейших и признанных механизмов», с помощью которых можно добиться «лучшей работы, более высоких заработков, более высокого уровня жизни», – пишет современный польский социолог П. Штомпка [8, с. 356.]. Одновременно – это важнейший общественный институт, направленный на формирование самого человека, делание, *образование* его. «Образование есть категория бытия, а не знания...», – утверждал М. Шелер [9, с. 21], считая, что образование задаёт границы самого человека, создавая условия для возникновения «благообразно сформированного», гармоничного человека, включившего все полученные знания в структуры своей личности [9, с. 32]. С такой философско-антропологической точки зрения образование относится к сущностным характеристикам человека так же, как к ним относится, например, с позиций марксистской антропологии труд; как далее пишет немецкий философ, образование представляет собой «образ совокупного человеческого бытия» [9, с. 21].

Высшее образование приобретает особую социальную значимость в послевоенный период, когда встала необходимость восстановления и

развития экономик европейских стран после Второй мировой войны [10, с. 498]. В этот период оно стало лифтом социальной мобильности для значительных масс людей и, в первую очередь, открыло двери в «средний класс» для выходцев из более низких слоёв общества. В США, например, тогда говорили, что «хорошо образованный сын рабочего имеет столько же шансов продвинуться, сколько плохо образованный выходец из среднего класса, хотя второму могут помогать родители» [11].

В СССР сходные процессы имели место, начиная с конца 1920-х гг., и были связаны с индустриализацией и форсированной социальной модернизацией постреволюционного общества, когда каналы социальной мобильности через образовательные институты оказались открыты преимущественно для прежних непривилегированных слоёв. Это сыграло свою роль в появлении советского «среднего класса», включавший в себя среднюю и мелкую бюрократию, интеллигенцию, высший и средний слой рабочих и крестьян, отличавшегося относительно высоким уровнем высшего и среднего профессионально-технического образования. Послевоенная разруха также внесла свои коррективы в необходимость восстановления и восполнения числа квалифицированных кадров, в связи с чем роль высшего образования как канала мобильности непрерывно возрастала; начиная с 1950-х гг. в этого способствовала ещё и разворачивающаяся научно-техническая революция.

В капиталистических странах изменение отношение политической власти к системе образования в этот период было связано с формированием социального государства «всеобщего благосостояния», которое исходило из установки на то, что государство не только имеет возможность обеспечить благополучие всех своих граждан, но и должно это делать. За счёт увеличения доступности профессионального образования государство предполагало решать задачи экономического роста, а это, в свою очередь, вызывало необходимость рекрутинга «на самые важные и технически сложные рабочие места» наиболее квалифицированных рабочих кадров вне зависимости от их социального происхождения [10, с. 499]. Дополнительно государство хотело экономически выиграть от создания и освоения новых высокотехнологичных рынков, появившихся в результате НТР, готовя квалифицированные рабочие и инженерные кадры для них. Всё это в совокупности должно было повлечь за собой рост доходов населения, поэтому для государства финансируемое им образование являлось не обременительными дополнительными расходами, а выгодным способом инвестиций – в национальную экономику и общественную безопасность. За счёт стимулирования потребления доходы возвращались к национальному производителю, при этом массовое потребление и

изобилие товаров потребления, ставших доступными благодаря серийному производству и существованию кредитной системы, рассматривались как способ разрешения социально-экономических конфликтов. Классовые противоречия в обществе потребления временно снимались с повестки дня или вообще отодвигались на «периферию» глобального мира, а на первом плане оказались статусные конфликты, но они не ставили под сомнение саму капиталистическую систему и не посягали на социальную стабильность общества. Как пишет С. Ермолаев, «если «средний класс» будет меньше... подвергаться эксплуатации и больше в ней участвовать сам, то этого будет вполне достаточно для «классового мира» на Западе. В середине XX века так и вышло» [12].

Кризис этого социального государства «всеобщего благоденствия», начавшийся в 1970-х гг. и длящийся до сих пор, который был связан с экономической глобализацией и приватизацией государства, кризисом кейнсианских моделей экономики (и идеологии экономического национализма вообще), не мог не сказаться и на системе образования. В неё всё упорнее вторгаются рыночные отношения, в то время как государство оставляет прежние позиции, ввиду чего теряется прежний эгалитарный характер её. В развитых капиталистических странах эти процессы были связаны с идеями «разгосударствления» экономики и образования, привнесёнными консервативными правительствами в 1980–90-х гг. [10, с. 515], в наших условиях это навязывалось национальным правительствам западными экспертами на фоне постсоветского экономического и социального кризиса. Сегодня ещё констатируется падение престижности высшего образования, связанное, в т.ч. с падением доходов квалифицированных специалистов, деградацией ряда секторов экономики и т.д., местами падает доступность его. В аграрной сфере, например, десять лет назад до 60% выпускников сельских школ поступали в средние специальные и высшие учебные заведения и после их окончания, как правило, работали в сельской местности, пополняя ряды сельской интеллигенции, то сейчас такое намерение наблюдается лишь у 10-15%. И это вызывает определённые социальные последствия, которые, по мнению Л. А. Семёновой, «очевидны: снижение уровня образования жителей села, уменьшение слоя специалистов с образованием, следовательно, изменение социальной структуры села в сторону её архаизации, духовная и технологическая стагнация» [11]. А это ещё и увеличение уровня преступности – деградация системы образования как доступного социального лифта уменьшает возможность для трудоустройства и легального увеличения доходов, и как следствие, создает больше причин для совершения преступлений, направленных против собственности.

Список использованной литературы

1. История марксизма : в 4 т. / пер. с итал. ; под общ. ред. Е. А. Амбарцумова. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 4 : Марксизм сегодня, вып. 2. – 455 с.
2. Кук, Л. Посткоммунистические государства всеобщего благосостояния : политика реформ в России и Восточной Европе / Л. Кук ; пер. с англ. И. Николаевой. – СПб. : Библиороссика ; Бостон : Academic Studies Press, 2021. – 413 с.
3. Пугачев, А. Н. Заимствования, компиляции, отторжения как факторы конституционной модернизации / А. Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2014. – № 6. – С. 32–46.
4. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Штейн, Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии : руководство / Л. фон Штейн ; пер. с нем. под ред. И. Е. Андреевского. – СПб. : А. С. Гиероглифов, 1874. – XIV, 594, X с.
6. Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 года / Л. фон Штейн. – СПб. : Тип. А. М. Котомица, 1872. – Т. 1 : Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года. – [4], IV, CXXVI, 305 с.
7. Дарендорф, Р. Элементы социального конфликта / Р. Дарендорф ; пер. с нем. В. М. Степаненковой // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
8. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
9. Шелер, М. Формы знания и образования / М. Шелер // Избранные произведения / М. Шелер ; сост. А. В. Денежкин. – М. : Гнозис, 1994. – С. 15–56.
10. Шпаковская, Л. Л. Политика высшего образования в Европе в XX веке: от государства к рынку / Л. Л. Шпаковская // Журнал исследования социальной политики. – 2010. – Т. 8, № 4. – С. 495–518.
11. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («круглый стол») / Д. Л. Константиновский [и др.] // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 89–99. – URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-05/Edu_RT.pdf (дата обращения: 15.05.2026).
12. Ермолаев, С. «Классовая война» в «гипермаркете»: кто против кого? [Электронный ресурс] / С. Ермолаев // Скепсис. – URL: https://scepsis.net/library/id_2302.html (дата обращения: 14.05.2026).

Summary. Education is a crucial component of the modern welfare state, serving the function of preparing a highly educated workforce necessary for the effective functioning of the economy. Accessible education also creates social mobility, enabling individuals to move from economically and socially vulnerable positions into the middle class, giving them access to capital and political power. This directly addresses the functional objectives of the welfare state in stabilizing the socio-political and socio-economic life of capitalist society.